

самый, хотя обстоятельства различны и самый выбор обстоятельств отражает литературно-общественную позицию каждого автора. Для Ломоносова важно событие придворной жизни постольку, поскольку оно имеет общегосударственное значение, поскольку с ним связаны интересы всей страны. Так же, как и в одах, Ломоносов обращается к нации и говорит от ее имени. Современные исследователи показали, что в «высокой» поэзии Ломоносова присутствует индивидуальное начало, но основное внимание поэта сосредоточено на изображении не частного, личного, а общезначимого, общенационального.³⁶ Эти наблюдения вполне применимы и к ораторской прозе Ломоносова.

Между тем для Радищева личный момент имеет принципиальное значение, отсюда и камерный характер первого вступления, отсюда и неожиданное обращение во втором вступлении к своему другу: «Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Приди беседовати со мною о великом муже» (I, 380). Это не только риторический прием, но и одно из звеньев, связывающих «Слово о Ломоносове» с текстом всего «Путешествия», посвященного тому же «любезнейшему другу» А. М. Кутузову. Авторское «я» оказывается у Радищева более индивидуальным, более конкретным, чем у Ломоносова. Но Радищеву во многом было близко представление Ломоносова о том, какими качествами должен обладать автор. «Что до состояния самого ратора надлежит, — говорилось в печатном издании «Риторики», — то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестливый человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен; 4) ежели он знатен породю или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторых образом дает сама натура» (Л., VII, 168). Кроме двух последних пунктов, все остальные, очевидно, могли быть приняты Радищевым. Иногда он даже прямо следует за Ломоносовым, декларативно заявляя о своих чувствах, которые он стремится передать слушателям: «Сие изрек я в восторге» (I, 380). В соответствующем пункте «Риторики» шла речь о такой фигуре, как «восхищение»: «Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезъестественного дела» (Л., VII, 284). Тут же приведены многочисленные примеры из од самого Ломоносова. В «Слове» Радищев не пренебрегает даже таким ораторским приемом, как намеренное умаление своих возможностей: «Если бы

³⁶ Эта проблема, поставленная в нашей науке в последнее десятилетие, получила новое освещение в кн.: *Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976.